

проснулась я с ощущением, что со мной что-то не так, и никак не могла понять, что конкретно. Не открывая глаз, повернулась на бок очень осторожно, чтобы не наткнуться на Лешку. Диван у него узковат, а сам Лешка — мужчина крупноватый, мягко говоря, увесистый, да еще норовит занять все доступное место, пару раз меня вообще во сне с дивана на пол спихнул.

Итак, я повернулась, но ощутила рядом с собой лишь пустоту. Очень удивилась, потому что этот бегемот никогда не встает раньше меня, пощупала рукой постель, никого не обнаружила и, наконец, сообразила открыть глаза.

Не подумайте, что такое со мной каждый раз, просто сегодня в ушах забивали сваи, как на стройке, в голове плескалось что-то противное и густое, как гороховый суп, а все тело болело, как будто меня переехал асфальтовый каток, будто волка из мультфильма.

Вот с глазами тоже все было странно. Обычно, когда я просыпаюсь, перед ними стоит легкий

туман, нужно сесть и потрясти головой, тогда туман уйдет, и окружающие предметы обретут свои очертания, хоть и не совсем четкие.

Короче, у меня сильная близорукость, с шестнадцати лет я ношу контактные линзы, которые обязательно нужно снимать на ночь, так что утром у меня перед глазами все расплывается в тумане... ну, про это я уже говорила.

Я едва не вскрикнула: было такое чувство, что перед глазами у меня разорвалась светозвучная граната. Только, ради бога, не подумайте, будто я знаю, что это такое, просто глаза дико резало, и слезы рекой потекли.

Все ясно: вчера вечером я не вынула линзы. Бывало такое пару раз, честно признаюсь — выпили тогда с девчонками прилично.

Очень осторожно я приоткрыла один глаз на малюсенькую щелочку, потом второй. Ничего, жить можно. Глаза болят, но тумана перед ними нет, все видно довольно ясно.

То, что я увидела, мне очень не понравилось. Это была вовсе не Лешкина квартира! Не его диван, не его шкаф, не его занавески, которые я совсем недавно носила в химчистку.

У Лешки в квартире всегда жуткий беспорядок, если я не убирала. А он еще ругался, что я вечно засовываю куда-то нужные вещи.

В этой комнате было вроде бы прибрано, во всяком случае, в обозримом мною пространстве не валялись грязные носки и россыпи крошек от пиццы, а коробки не громоздились в углу. И не пахло потом и испорченной едой.

Я потянула носом. Действительно не пахло. Но воздух был все же какой-то затхлый, как будто год не проветривали.

Тут я осознала наконец, что лежу в незнакомой комнате на чужой постели абсолютно голая. Вот именно, одеяло тонюсенькое, даже мурашки по коже побежали, впрочем, не от холода, а от страха.

Как я здесь очутилась? Кто меня сюда привел? Ничего не помню.

Сжав зубы, чтобы они не стучали, я очень осторожно села на диване и спустила ноги на пол. На ощупь он был чистый — ни комков пыли, ни песка под ногами. И тапочек тоже не было.

Я еще раз оглядела комнату. Плотные занавески задернуты, полутемно, хотя в щелочку видно, что на дворе белый день. Сколько же я проспала? И вообще, сколько сейчас времени? Утро или день? И где хозяин квартиры?

Я было вскочила, но застыла на месте. Ясно, что привез меня сюда мужчина. Но вот кто? Понятно, что не Лешка, это не его квартира. Значит, я познакомилась с кем-то вечером, он меня напоил или наколол чем-то, потом привез сюда, и...

Комната поплыла перед глазами, и я плюхнулась обратно на диван. Господи, да такое поведение для меня совершенно неприемлемо! Не святая я, конечно, но в жизни не было, чтобы поехала к первому попавшемуся парню сразу после знакомства!

«Так. Только не паниковать!» — приказала себе. Нужно убираться отсюда как можно скорее.

Я прислушалась и не услышала ничего, потому что в ушах по-прежнему забивали свай. Но все же было такое чувство, что в квартире никого нет.

Очень осторожно я встала. Комната сделала поползновение покружиться, как в вальсе, но я решила не обращать на такие мелочи внимания, и вскоре ей это надоело. Я еще раз огляделась в поисках своей одежды и ничего не нашла. Вот именно: ни на стуле, ни на столе, ни на полу не было ничего. Я перерыла постель на диване — ничего, даже трусиков нет. Не веря в такое свинство, я отдернула занавеску. Подоконник был чист, ни цветов, ни пыли.

Пейзаж за окном ничем не порадовал. Напротив дома находилось промышленное здание, выкрашенное в унылый серо-бежевый цвет. Редкие узкие окна смотрели тускло, как глаза слепого попрошайки. Здание было огорожено высоким глухим забором, но сверху я видела, что двор совершенно безлюден.

Тут я осознала, что стою у окна совершенно голая, и спряталась за занавеску. Затем сдернула с дивана простыню, которая была чистой, но противно пахла какой-то химией, завернулась в нее и решила выйти из комнаты, тем более хотелось в туалет и хоть как-то умыться. Да еще горло пересохло, было такое чувство, что там поселилось семейство ежей и выставило все колючки.

Я очутилась в небольшой аккуратной прихожей, куда помещалась только вешалка, зеркало с полочкой, на которой не валялось даже расчески, и галошница. Зато на ней я обнаружила свои

туфли. Ну да, мои синие лакированные лодочки, которые я надеваю довольно редко — уж очень каблук высокий. А вчера, значит, надела.

В прихожую выходили еще три двери, одна, самая узкая, оказалась дверью стенного шкафа. Радость моя была неопишуемой, когда я обнаружила там свое легкое пальто и сумку. И можете себе представить, что в сумке лежал нетронутый кошелек, ключи и телефон, правда, безнадежно разрядившийся.

Да, могу себе представить, что подумают встречные люди, увидев девицу в пальто, надетом на голое тело и в туфлях на босу ногу. Пальто к тому же короткое.

Я вдруг почувствовала ужасную злость. В голове что-то щелкнуло, как будто включили радиоприемник, и кто-то отчетливо сказал: «Не трать зря время, тебе пора уходить!» Я даже оглянулась в поисках того, кто это сказал, но сообразила, что голос звучал у меня в голове.

Однако шум в ушах куда-то пропал, и голова стала не такая чугунная. По этому поводу я распахнула следующую дверь и оказалась в кухне. Ничего особенного — маленькое помещение, дешевая встроенная мебель, но все очень чистое. То есть непохоже, что только недавно хозяйка вылила тут все, скорее, никто этим не пользуется.

Ужасно хотелось пить, и я открыла холодильник. Он был абсолютно пуст и даже не работал. В буфете стояли самые простые чашки, все ручки аккуратно повернуты в одну сторону. Никаких продуктов, и похоже, что они тут никогда не

хранились. Впрочем, это меня волновало в самую последнюю очередь.

В горле ежи ползали по наждачной бумаге, я решила плюнуть на все и напиться воды из-под крана. Немного помогло, и тогда я отправилась в ванную.

Все то же самое: чисто и безлико. Ни щетки, ни мыла, ни шампуня. Зато на белой табуретке лежала моя одежда, аккуратно сложенная, и меня передернуло от мысли, что чьи-то руки сначала с меня ее сняли, а потом сложили в ванной. Это точно была не я.

Однако все на месте: белье, узкие черные слаксы и шелковая блузка цвета морской волны, расшитая павлинами. Вполне себе вечерний наряд, и туфли к нему подходят. Стало быть, я куда-то пошла вчера вечером. Убей бог, не помню.

«Быстро принимай душ и катись отсюда!» — прозвучал в голове уже знакомый голос. Я решила не удивляться, потому что он говорил дело. Сбросив простыню, я машинально посмотрела в зеркало, висевшее над раковиной, и обомлела.

На левом бедре я увидела... татуировку.

Подняв ногу как можно выше, я изогнулась немислимым образом и тогда увидела четкий рисунок: женское лицо в языках пламени, по бокам два цветка, стебли перекрещены, и в них воткнут меч. Ага, красиво. Можно сказать, что художественно.

Когда я сделала эту татуировку? Совершенно не помню. И рисунок какой-то странный... Я потрогала кожу на бедре. Ничего не болит, никак-

го воспаления, все сделано аккуратно, профессионально... Неужели тату сделали ночью вот в этой квартире? Меня снова затрясло, помог только горячий душ.

После душа в голове проступили кое-какие воспоминания. Мы с Лешкой орем друг на друга, я обзываю его козлом, уродом и импотентом, а он меня — холодной шукой, мымрой и занудой. Когда это было? Неужели вчера?

Ага, когда мы перешли к рукопашной, я ткнула его зонтиком, и он был мокрый. Черт, да я потому и пришла домой раньше, что решила не возвращаться на работу в такую жуткую погоду! И меня подвез... как же его... меня подвез Вадим.

Вчера шел дождь. Начальник послал меня отвезти документы в одну фирму, там такие зануды, что никак не могут перейти на компьютерный вариант. И вот, когда я тащила из этой фирмы к метро под проливным дождем, меня окликнули из машины. Вадим.

Так, а кто такой у нас Вадим? Перед глазами встало лицо: бледная кожа, светлые брови, волосы чуть рыжеватого оттенка зачесаны набок, а глаза... глаза какие-то непонятные, никак не удавалось их разглядеть. Впрочем, меня не слишком интересовали его глаза.

Он живет в том же доме, что и Лешка, мы стиливались несколько раз во дворе, ставили машины рядом.

Ну да, у меня есть машина. То есть была, пока этот мерзавец Лешка ее не разбил. Страховка не полностью покрыла ремонт. Лешка, конечно, ка-

ялся (для виду) и обещал ремонт оплатить (врал естественно, а я, дура, верила. Впрочем, у меня не было выхода).

В общем, Вадим сказал, что случайно проезжал мимо, и предложил подвезти меня домой. Я согласилась, на свою беду, потому что, придя домой к Лешке на два часа раньше, застала его в постели с какой-то белобрысой шваброй. Уродина, кстати, каких поискать. Ноги кривые, грудь обвисла, как уши у спаниеля.

Разумеется, я разозлилась. А кто бы на моем месте не разозлился? Психологи в журнальных статьях учат нас, что в данном случае нужно не давать себе волю, лучше вообще сделать вид, что ничего не заметила, и тихонько уйти. А потом осторожненько выяснить, что за девица, откуда она взялась и как долго это продолжается. Если девица незнакомая и в постели оказалась совершенно случайно, то просто выбросить это событие из головы. А если знакомая и имеет на вашего мужа какие-то виды, то нужно потрудиться, поинтриговать (список мероприятий прилагается), рано или поздно ваши усилия увенчаются успехом, и ваше сокровище останется при вас. Навсегда. Или хотя бы надолго.

То есть так поступают умные женщины. Но я вас умоляю! Лешка мне не муж и никогда не собирался им быть. Мне это тоже не приходило в голову, поэтому я сразу рассвирепела.

С Лешкой драться чревато — говорила уже, что он здоровый, как бегемот. Не сказать, чтобы спортивный, но меня он просто массой задавит.

Девушке я успела выдрать клочок волос и расцарапать морду, пока она не улизнула, Лешку же обозвала по-всякому, а он заорал, чтобы я немедленно выметалась из его квартиры, и начал выбрасывать мои вещи, так что мне пришлось сложить все оставшееся в мешки для мусора и спешно уносить ноги.

Я не успела даже удивиться такой его злости. В конце концов, это его я поймала с поличным, а девушка, насколько я помню, вовсе не стоила того, что он устроил. Тогда, то есть вчера днем, мне некогда было об этом думать, я подхватила вещи и ушла. Что делать-то было...

И опять-таки Вадим выезжал со двора и остановился, чтобы спросить, не нужна ли мне помощь. И подвез меня... куда? Ой, лучше про это сейчас не думать. Вот что за кошмар в моей жизни!

«Не тяни время! — снова раздался в голове голос. — Потом будешь себя жалеть!»

И то верно. Хорошо, что кое-что вспомнилось, но это только начало. А вот как я оказалась в этой квартире, абсолютно не помню. Просто какой-то провал в памяти.

Было противно надевать несвежее белье, но это не самое страшное, что со мной случилось за последние сутки. Я быстро оделась, внимательно осмотрела квартиру, чтобы не оставлять ничего, никакой мелочи, даже постель убрала.

Замок на входной двери был довольно простой, так что я просто захлопнула его и спустилась по лестнице пешком, никого, к счастью, не встретив.

Местность была незнакомая, я обошла унылое промышленное здание и вышла на довольно оживленную улицу. Снова пошел дождь, так что я решилась и подняла руку, поскольку вызвать такси не позволял разрядившийся телефон.

В машине пахло бензином, и у меня снова закружилась голова.

— Куда едем, красавица? — спросил водитель.

Я привычно назвала адрес Лешки и не сразу сообразила, что теперь мне туда не надо. Прожила там почти год... И вот так по-хамски он со мной обошелся.

— Постой. — Я тронула водителя за плечо. — Мне не туда, а на Сенную. Я там живу.

— Пить надо меньше, — беззлобно посоветовал водитель и развернулся на ближайшем перекрестке.

Я тяжело вздохнула и прикинула, что меня ожидает на собственных одиннадцати метрах. Вышло, что ничего хорошего. Но выбора не было.

Если честно, то и жила-то я у Лешки только потому, что у него была своя квартира. Правда, сначала он мне врал, что квартира не его, а съемная, потом — что принадлежит его тетке, которая сама проживает за городом, а его просто пустила пожить.

Ага, так я и поверила! Да ни одна женщина в здравом уме не пустит в квартиру такого неряху. Разве что за деньги, да и то если в совсем стесненных обстоятельствах находится. За короткое время такие, как Лешка, квартиру уделают так, что потом все деньги на ремонт уйдут, да еще доплачивать придется.

Короче, я очень быстро выяснила, что крошечная захламленная однушка — его, Лешкина, собственность. Он, кстати, очень тогда на меня рассердился, кричал, что девицы только и ищут мужчин с жилплощадью, чтобы поселиться, а потом ее оттяпать. Да надо больно! Всю жизнь мечтала!

В общем, мы заключили деловое соглашение: я живу у Лешки, а он пользуется моей машиной. Иногда. И вот этот урод влетел в аварию.

Ясно теперь, отчего он меня выгнал — чтобы за ремонт машины не платить. Нет, ну какая скотина!

— Тебе конкретно куда? — влез в мои мысли голос водителя.

— Вот в этот переулочек. Если не развернуться, то я и так дойду, — пробормотала я и вспомнила, как вчера машина Вадима остановилась на этом же месте. Он настоял, что довезет меня до ворот.

Дело в том, что подъезд находится во дворе, точнее, под аркой, которая закрыта воротами. И замок кодовый. Тут, у Сенной площади, попробуй не закрой двор — бомжи и пьяницы такое устроят...

У ворот я вчера с Вадимом простилась вежливо, но твердо, потому что представила, какое лицо у него будет, когда он увидит лестницу и дверь нашей коммунальной квартиры. Нет уж, я туда даже Лешку не водила, а уж этого бегемота сложно удивить.

И Вадим наконец попрощался, но перед этим пригласил меня в ночной клуб. Сказал, что у него день рождения и там будет небольшая компания

его самых близких друзей. С чего он решил меня к ним причислить, я не поняла. Поблагодарила как могла вежливо и потащилась наверх, на шестой этаж по лестнице, которую не мыли, наверное, со дня постройки дома.

Когда я оказалась перед дверью квартиры, Вадим с его приглашением незаметно выскочил у меня из головы. Да я вовсе и не собиралась никуда идти, но жизнь, как говорится, внесла свои коррективы.

Как только я открыла дверь своим ключом и уловила запах свежей выпечки, то поняла, что если уж не везет, то по всем пунктам.

Запах пирогов означает, что Зойка ждет своего хахала. Иван Федорович — толстый, солидный, служит в полиции и бывает у Зойки пару раз в неделю, когда у него дежурство. Но поскольку живет Зойка с двумя пацанами восьми и десяти лет в одной комнате, то уединиться нет никакой возможности, и два раза в неделю они располагаются у меня. За это Зойка убирает в комнате и оплачивает коммунальные услуги. В общем, все довольны.

Но, как назло, дежурство Ивана Федоровича выпало как раз на сегодня, а он такой человек, что планы свои менять не станет. От этого плохо будет всем: и Зойке, и мне.

— Мам! — заорал Зойкин Гришка, высунувшись в коридор. — Там Жанка пришла с мешками!

— Ты чегой-то? — удивилась Зойка.

По ней было сразу видно, что приготовления к приему любимого человека идут полным ходом:

на лице — зеленая маска, на голове — бигуди, в руках — кухонный нож. По всему получалось, что в собственную комнату я явилась не вовремя.

— Да уж, — вздохнула Зойка, — сегодня у нас все решится.

Дело в том, что Иван Федорович Зойку в эту комнату поселил, когда она сбежала от мужа. Сил не было больше терпеть, говорила она, он бил ее каждый день, и трезвый, и пьяный.

Жили они в области в частном доме, который достался мужу от родителей, и все в этом поселке были ему родней, так что за Зойку никто не заступился. Пару раз муж ловил ее с детьми, бил смертным боем и возвращал назад. На третий раз удалось сбежать и встретить Ивана Федоровича. Он устроил ей жилье и работу. Но жила Зойка в комнате на птичьих правах, и когда Иван Федорович был в хорошем настроении, то обещал комнату переписать на нее. Да все тянул.

— Сегодня окончательно вопрос с комнатой обещал решить, — повторила Зойка, — так что ты уж...

Вот так и получилось, что пришлось мне вечером мотать из дома. И, судя по всему, пошла я в ночной клуб, к Вадиму на день рождения. Но вот где тот клуб находится, как называется и что там со мной было — не вспомнить ни за какие пряники.

Сейчас я задумчиво ковыляла через двор, тщательно следя, чтобы каблук не попал в трещину на асфальте. Жалко туфли, покупала их в дорогом магазине, хоть и со скидкой.

Во дворе катались на самокатах Зойкины Пашка и Гришка.

— Жанк, ты чего такая упоротая? — заорал Гришка на весь двор.

Больно шустрый у Зойки парень и хамоватый. Но, однако, и водитель тоже заметил, что я не в себе. Нужно что-то делать. Одно хорошо: сегодня суббота, так что за выходные я приду в себя.

В комнате было чисто и проветрено, тут же явилась Зойка с пирогами.

— Заранее тебе отложила, а то мои все сожрут, — заявила она. — Ты же их знаешь.

Потом она принесла чайник и чашки. В нашей кухне есть можно только в одном случае — если хочешь немедленно похудеть, там в горло ничего не ползет.

— Как погуляла? — спросила Зойка.

— Да так... устала очень...

Зойка — хорошая баба, но не могу я ей рассказать, я еще сама не разобралась в этой странной ситуации.

— Как у тебя с комнатой-то? — спросила я, чтобы сменить скользкую тему.

— Ой! — Зойка встрепенулась и тут же прикрыла рот рукой. — Представляешь, в понедельник к нотариусу пойдем!

— С чего это твой так расщедрился? — прищурилась я.

— Да у него, понимаешь, положение пошатнулось, там у них новый начальник пришел, теперь всех шерстит по поводу взяток и коррупции, так что решил Иван Федорович от греха на меня кое-

что переписать. Только бы не сглазить... — Зойка постучала по столешнице.

После чая стало лучше, и я решила, что нужно обустроиваться. С Лешкой, надо думать, у меня все, раз такое отношение — ни за что не стану мириться. Стало быть, придется пока пожить здесь. Ну до чего же не хочется...

Я кое-как разложила вещи и сунулась было в ванную, но она была прочно занята. Представив нашу жуткую ванну, всю в художественных подтеках ржавчины, кран, который нужно долго устанавливать, чтобы он не брызгал и не плевался кипятком в самый неподходящий момент, а еще следить, чтобы не удариться головой о висящий на стене медный таз Пульхерии Львовны, я даже не стала стучать в дверь и орать, чтобы выметались. Не больно хотелось там мыться.

Пульхерия Львовна — основная достопримечательность нашей квартиры. Живет тут очень давно, помнит самых первых жильцов и сейчас находится в глубоком маразме. Старуха одинокая, и не определяют ее в соответствующее учреждение только потому, что никому не охота с ней возиться. Иногда ее жалко, бабка в общем-то безобидная, если только не включает газ и не оставляет утюг — не из вредности, а по забывчивости.

Пульхерией Львовной прозвали ее прежние жильцы, там один тип все время запирался в туалете и читал классическую литературу, этакие толстенные романы. Однажды Мишка-алкоголик, когда ему приспичило, даже дверь пытался выломать, но она дубовая, толстенная, опять-та-

ки с основания дома, так что ничего у него не вышло, только палец на ноге сломал.

Вот этот чокнутый любитель классики и обозвал Пульхерию, начитавшись Гоголя. Потому что Львовна-то она Львовна, это тетка сказала, которая ей пенсию носит, а имя в паспорте неразборчиво, видно только что на «П». И она сама не помнит, то ли она Полина, то ли Павлина, то ли вообще Пелагея.

Все вещи у Пульхерии даже не прошлого, а позапрошлого века. Одних медных тазов было две штуки, только один Мишка стащил и продал. Тут мы не сумели скрыть своей радости, тем более что Пульхерия Львовна ничего не заметила.

Представив нашу ванную, я решила, что пока воздержусь, тем более что сегодня суббота, а по субботам я хожу в бассейн. И отчего бы сегодня это не сделать, авось в голове прояснится.

Я быстро собрала сумку и ушла, благо бассейн недалеко, пешком пройти можно.

Прохладная вода с резким запахом хлора и ровные, ритмичные движения всегда приводили меня в порядок. На втором круге в голове прояснилось, пульсирующая боль прошла, дышать стало легче. Только память о вчерашнем вечере не вернулась. Как я ни пыталась достучаться до того уголка мозга, где она укрылась, ничего не выходило. Там был темный провал.

Третий круг... четвертый...

По соседней дорожке плавала девушка в таком же, как у меня, синем купальнике. Синий купаль-

ник и красная шапочка — вот и все, что я могла различить без линз. Мы двигались примерно в одном темпе, и время от времени я проплывала мимо нее. Или она мимо меня.

И вдруг, когда мы в очередной раз встретились, в голове у меня снова прозвучал голос, тот же, что и в той незнакомой квартире, в которой я сегодня ночевала не помню с кем (стыд какой!).

«Это она!»

Черт... что это со мной... неужели начались глюки?

Я на мгновение зажмурила глаза, снова открыла и поплыла дальше, стараясь не потерять темп и не сбить дыхание. Но как только я поравнялась с девушкой в синем купальнике — в голове снова отчетливо прозвучало:

«Это она!»

Господи, за что это мне? Не иначе Вадим, сволочь, подмешал мне что-то в спиртное там, в ночном клубе... ну попадись он мне!

Еще один круг.

Мы с соседкой снова поравнялись.

И опять у меня в голове прозвучало:

«Это она!»

Да что же это такое! Нет, это невозможно... нужно прекращать, а то у меня совсем крыша поедет. С другой стороны, до этого голос в голове говорил мне дельные вещи. Так, может, и сейчас мне стоит прислушаться к нему?

Я доплыла до конца дорожки, ухватилась за лесенку и полезла вверх, на край бассейна. При

этом невольно скосила глаза вправо и увидела совсем рядом свою соседку.

Она тоже поднималась по лесенке. Мои глаза оказались на уровне ее бедра, и достаточно близко, чтобы я смогла без линз различить детали.

С изумлением увидела на ее бедре татуировку! Точно такую же, как та, что появилась этой ночью у меня. Женское лицо, окруженное языками пламени, две лилии со скрещенными стеблями и меч...

Ничего себе!

— Девушка! — окликнула я ее.

Она удивленно оглянулась, поправила шапочку.

— Что?

— Можно спросить...

Я хотела узнать, откуда у нее такое тату, но вдруг почувствовала странную неловкость. А она не дождалась моего вопроса, пожала плечами и быстро удалилась.

Я вылезла на бортик, нашла свои тапочки и бросилась за ней.

В душевой я ее уже не застала, но увидела, как знакомая фигура мелькнула в дверях, направляясь в сторону раздевалки.

Я наскоро приняла душ, чтобы отделаться от запаха хлора, и пошла в раздевалку, надеясь, что уж там-то наверняка ее застану.

Но в раздевалке не было ни души.

Как она так быстро успела переодеться и уйти?..

Ладно, в конце концов, не так уж это важно.

Ну подумаешь, такое же тату...

Конечно, в глубине души я понимала, что это не может быть простым совпадением — тату не-

обычное, наверняка его сделал ей тот же мастер, что и мне, а значит, я могла бы через нее хоть что-то узнать о своем забытом вечере. Уж она-то, наверное, вспомнит, где ей его делали, вряд ли у нее такой же провал в памяти!

Но тут уж ничего не поделаешь! Ушла так ушла... значит, мне не удастся ничего выяснить о ее тату...

Я подошла к своему шкафчику, открыла его...

И отскочила как ошпаренная.

В моем шкафчике...

В моем шкафчике сидела, скорчившись в неудобной и неестественной позе, та самая девица, что плавала по соседней дорожке. На ней был тот же самый синий купальник, а вместо шапочки на голове был накручен тюрбан из махрового полотенца.

В первый момент я подумала, что девица решила меня разыграть. Я хихикнула, шагнула к ней и тихонько проговорила:

— Ты чего?

Она не шелохнулась, а до меня дошло сразу несколько фактов.

Во-первых, шкафчик был закрыт, я его сама только что открыла ключом, который был прикреплен к моему браслету.

Во-вторых, и это главное — девица не шевелилась, и поза у нее была такая, которую живой человек не примет при всем желании.

Мое сознание никак не хотело признать очевидность, поэтому я нерешительно протянула к ней руку, дотронулась пальцем до плеча и снова едва слышно проговорила:

— Эй, что с тобой?

Разумеется, она ничего не ответила.

А я, поскольку была сейчас совсем близко, разглядела ее лицо, полузакрытые глаза...

И последние сомнения у меня отпали.

Она была мертва.

То есть на самом деле я поняла это в самый первый момент, когда только открыла шкафчик, но, как уже говорила, мое сознание не принимало этот факт.

Просто отказывалось его воспринимать.

И тут в дверях раздевалки послышались приближающиеся шаги и голоса.

Сюда шли люди, большая компания женщин.

Я представила, как они увидят меня перед шкафчиком с трупом и что при этом подумают...

Да нет, на самом деле я ничего не представила и тем более не подумала.

Я просто торопливо захлопнула дверцу шкафчика и заперла его на ключ, чтобы труп не выпал.

О чем я при этом думала?

Да ни о чем. В голове у меня была гулкая звенящая пустота. Моими действиями руководил не разум, а инстинкт. Мне просто стало очень страшно, и я закрыла шкафчик, как будто таким образом заперла на ключ свои проблемы.

В раздевалку вошли, негромко разговаривая, две девицы. На меня они, к счастью, не смотрели, просто открыли свои шкафчики и начали неторопливо раздеваться.

А я перевела дыхание и попыталась немного успокоиться.

Может быть, мне этот труп просто померещился?

Да нет, я его совершенно отчетливо видела, несмотря на свою близорукость. Линзы я сняла и оставила дома, надела очки, которые сейчас лежат в шкафчике.

Мертвая девица отпечаталась в моем мозгу четко, как на фотографии — ее неестественная поза, бледная, чуть влажная после душа кожа в мелких пупырышках, и это чертово тату на бедре — женское лицо в языках пламени, две лилии и меч...

Нет, для галлюцинации это было чересчур реалистично!

В шкафу действительно лежит мертвая девица...

А еще там моя одежда и все вещи...

И что делать?

Тут в голове у меня снова прозвучал тот же голос, уже ставший знакомым.

«Уходи! — произнес он. — Немедленно уходи!»

Что ж, голос прав. Но легко сказать — уходи! Как мне уйти из бассейна без одежды, без вещей?

Я боязливо взглянула на шкафчик...

Дождаться, когда из раздевалки все уйдут?

Но когда еще это будет!

Те две девицы неторопливо переодевались, обсуждая какого-то общего знакомого, а в раздевалку тем временем зашли еще несколько женщин. Похоже, теперь здесь будет людно, ну да, выходной же. Не могу же я здесь стоять целый час, дожидаясь, пока все разойдутся! Тем более не могу стоять перед этим шкафчиком.

При мысли о его содержимом меня передернуло.

Тут я поняла, что даже если раздевалка опустеет, я не смогу снова открыть шкафчик с трупом, и уж тем более достать оттуда свои вещи. Ведь для этого мне придется дотронуться до трупа, больше того — вытащить его оттуда...

Бр-р! Невозможно это представить!

Я снова в тоске уставилась на шкафчик...

И тут увидела на полу перед ним ключ. Плоский маленький ключик, точно такой же, как тот, которым я только что открыла свой шкафчик, а потом закрыла его.

Мой ключ был у меня в руке, значит, это... ключик мертвой девицы! Должно быть, он упал, когда ее заталкивали в шкафчик.

И тут в голове у меня возникла гениальная идея. Или безумная — не знаю, как точнее.

Мертвая девица была примерно одного со мной роста и такого же телосложения. Значит, я могу уйти из бассейна в ее одежде...

Наверное, эта идея была все же безумной — но ничего лучшего я не придумала. Я взглянула на ключ — на нем стоял номер семнадцать.

Я быстро нашла семнадцатый шкафчик, открыла его. Руки мои при этом дрожали — я не знала, что меня ждет, вдруг там еще один труп...

Но в шкафчике не было ничего особенного. Там стояла большая спортивная сумка, а еще, разумеется, была одежда — смена белья, узкие черные джинсы и красная куртка с капюшоном.

К счастью, все это оказалось мне более-менее впору, даже ботинки налезли, хоть и были чуть маловаты.

Я торопливо переоделась и наконец вышла из раздевалки.

Спортивную сумку я взяла, чтобы не оставлять ее на виду и не отличаться от остальных посетителей — все были с такими же сумками.

На выходе из бассейна я вспомнила, что сдала дежурной свою сумочку с деньгами и документами. Отдать ее мне должны были в обмен на ключ. Я сунула руку в карман, достала ключ, но в последний момент сообразила взглянуть на него.

Ключ был от шкафчика номер семнадцать, то есть не мой, а той, мертвой девицы. Я быстро положила этот ключ обратно в карман и достала другой, от своего, двадцать четвертого шкафчика, протянула его заспанной дежурной.

Она без слова отдала мне сумочку, я положила ее в большую сумку и наконец вышла из бассейна.

Только теперь я перевела дыхание и немного расслабилась.

Что за ужасный день!

Сначала проснулась в чужой, совершенно незнакомой квартире, потом обнаружила в шкафчике труп...

Когда же это кончится?

Моросил мелкий унылый дождь, я подняла капюшон и побрела по улице — домой, пусть и в жуткую коммуналку, но все же там можно закрыться на ключ в комнате и плюхнуться на продавленный диван, заснуть и ни о чем не думать хотя бы до завтрашнего утра.

Дождь усилился. Я припустила быстрее и вдруг услышала за спиной громкий голос:

— Жанна!

Я вздрогнула и обернулась.

Кому это я вдруг понадобилась?

Рядом с тротуаром стояла большая темно-синяя машина, и из нее выглядывал здоровенный мордатый тип с квадратной челюстью и коротко стриженными темными волосами. Челюсть его ритмично, безостановочно двигалась, как будто он пережевывал жвачку. Впрочем, это не мешало ему говорить.

— Жанна! — повторил он недовольно. — Садись в машину! Садись быстро, кому говорят!

— С чего это? — пробормотала я.

Тип был совершенно незнакомый, а к незнакомым в машину я никогда не сажусь. Но тогда откуда он знает мое имя?

Видимо, от всех перенесенных неприятностей у меня что-то случилось с головой, и реакция замедлилась. Во всяком случае, я не успела и шагу сделать, как тип с квадратной челюстью выскочил из машины, втащил меня на пассажирское сиденье и захлопнул дверцу.

— Эй, ты что? — запоздало запротестовала я. — Ты вообще кто такой? Что тебе от меня нужно?

Он ничего не ответил, только неприязненно зыркнул на меня и выжал сцепление. Машина резко сорвалась с места.

— Ты что — глухой? — проговорила я, стараюсь не показать, насколько испугана. — Что тебе нужно?

— Какого черта ты потащилась в бассейн? — прошипел он в ответ, не переставая пережевывать жвачку.

— Освежиться захотела! — отозвалась я. — И вообще, тебе-то какое дело? Почему я должна перед тобой оправдываться? Ты мне так и не сказал, кто ты такой!

— А тебе не все ли равно? Меня Петрович за тобой послал — это все, что тебя должно интересовать!

— Вот интересно! Ты меня втащил в машину — а мне должно быть все равно, кто ты такой?

— Тебе Петрович сказал — сидеть в Куромьяках и носа оттуда не высовывать, а ты в бассейн потащилась!

— В Куромьяках? — тупо переспросила я. Все происходящее было похоже на бред.

— Ну да, в Куромьяках! Возле колченогого! Что непонятно? — Он зло покосился на меня.

— Непонятно, кто ты вообще такой!

— Ну, допустим, я Валега. Меня за тобой Петрович послал. Он хочет поговорить, так что сейчас я отвезу тебя к колченогому...

— Петрович? — переспросила я удивленно и тут же опомнилась. — И о чем, интересно, мне с ним разговаривать?

Я хотела добавить, что не знаю никакого Петровича, но вовремя прикусила язык. Мою глупость можно было объяснить только тем, что буквально только что я видела труп, в собственном шкафчике в раздевалке. Естественно, что после такого потрясения мозга отказали.

— Не задирайся, — пробурчал Валега или как там его зовут, — дело в том, что приезжала вдова.

«Какая еще вдова? — хотела заорать я. — Отвали от меня!»

Но голос в голове срочно приказал:

«Молчи! Ни слова не говори!»

Я закусила губу чуть не до крови. Этот самый Валега покосился на меня подозрительно, хотел что-то спросить, но тут впереди завизжали тормоза и ехавшая перед нами машина резко затормозила. Валега тоже ударил по тормозам, но опоздал и врезался в ту машину.

Раздался треск, скрежет, из передней машины выскочил красномордый дядька лет пятидесяти, подскочил к нам со стороны водителя и заорал:

— Ты, козел, что творишь? Ты что устроил? Я на этой машине еще месяца не откатал, а ты ее в хлам...

Валега тоже разинул рот, чтобы отлаять мужика в ответ, даже перестал пережевывать свою жвачку, но я не стала дожидаться развития событий, торопливо открыла дверцу и выскочила из машины.

Не оглядываясь, я припустила прочь по улице, добежала до угла, свернула и только тогда перевела дыхание. Точнее, выругалась, выпустила пар.

Черт, черт, черт! Да что же такое сегодня со мной творится? Не успеваю выпутаться из одной переделки, как тут же попадаю в другую! Это уже ни на что не похоже! Какой-то тип затащил меня в машину, хотел отвезти черт знает куда, в какие-то Куромьяки... к какому-то колченогому... при-

чем, судя по разговору, он меня с кем-то перепутал. Наверняка перепутал.

Да, но он откуда-то знает мое имя...

В это время я поравнялась с витриной канцелярского магазина и увидела в ней свое отражение.

Чужая красная куртка, капюшон, закрывающий лицо...

Да я бы сама себя не узнала, а тот тип окликнул меня сзади, со спины... как он-то смог меня узнать?

И тут у меня случилось внезапное просветление.

Этот тип с квадратной челюстью узнал вовсе не меня! Он принял меня за ту девицу, которая лежит в моем шкафчике в раздевалке бассейна. Ведь это ее куртка, ее джинсы...

Да, но он назвал меня по имени — Жанна!

Мистика какая-то!

Или вовсе не мистика, а роковое совпадение.

Ту девицу зовут, как и меня, Жанной.

Ну что ж, это вполне возможно. Конечно, имя не самое распространенное, но и не такое уж редкое. Вот была у меня одна знакомая из Прибалтики, так ее звали Геновефа. Это действительно редкое имя, а Жанна — подумаешь...

Таким образом, я немного прояснила для себя ситуацию, хотя легче от этого мне не стало. Я так и не знала, где была накануне вечером, в чьей квартире провела минувшую ночь и откуда у меня появилась странная татушка.

Кстати, о татушке.

У той девицы из бассейна была такая же и на том же самом месте. Что бы это значило и чем мне грозит? Особенно учитывая тот факт, что она уже мертва...

Тут от напряженного мыслительного процесса у меня снова заболела голова, и я решила сделать перерыв. А для этого вернуться домой, если, конечно, можно так назвать мою фантастическую коммуналку.

Может, вам интересно, как меня угораздило туда попасть? Да очень просто, меня напарили.

Мать моя живет в Архангельске. То есть на самом деле она мне не мать, а тетка. Но это выяснилось не скоро, а в детстве я, бывало, очень удивлялась, отчего мать меня никогда не приласкает, доброго слова не скажет. Работала тетка бухгалтером, в конце месяца, когда нужно было делать финансовый отчет, приезжала домой поздно, так что я была предоставлена самой себе.

Лет в десять или двенадцать меня просветила сердобольная соседка. Дескать, так, мол, и так, мать моя была той еще пройдой (соседка употребила гораздо более сильное выражение), родила меня неизвестно от кого и обманом сбросила на свою старшую сестру, которая святая женщина, потому что не сдала выродка (то есть меня) в детдом, а кормит и поит на свои деньги.

Теперь трудно сказать, хотела ли соседка напакостить тетке или же в ее понимании так было лучше. Однако я, выслушав такое, собрала рюкзачок и рванула из дома, вытащив у тетки из комода деньги на хозяйство. Хватились меня толь-

ко на следующий день, потому что тогда у тетки как раз был квартальный отчет. Нашли меня на вокзале, голодную и грязную. И повезло еще, что никто не обидел.

Меня привез домой на машине пожилой мент. Тетка встречала меня во дворе. Тут же толпились соседки, и та, говорливая, тоже орала что-то визгливым голосом насчет яблочка, которое недалеко падает от гнилой яблони.

Тетка, увидев меня, лицом не дрогнула, оно у нее всегда было каменное. Однако, идя мимо той самой соседки, она, не примериваясь, ткнула ее кулаком в нос. Было много крови.

Мент посмотрел на это спокойно, только хмыкнул и поскорее уехал. Соседи тоже быстро разошлись.

Дома тетка сказала мне устало, что, если еще раз такое повторится, она сдаст меня в детдом. И ушла к себе.

Ночью я прикинула про себя и решила, что с теткой все же лучше, чем в детдоме. Ее вечно дома не бывает, так что жить можно, тем более теперь понятно, отчего она ко мне равнодушна. Я ей никто — так, приبلудыш. Подкинули меня без ее на то желания, так что нечего ждать от тетки теплых чувств. Насчет матери я никаких надежд не питала — дескать, приедет, возьмет с собой в большой город. Это в три года можно об этом мечтать, а в тринадцать уже поздно.

Дальше мы с теткой жили спокойно. Она требовала, чтобы я вела хозяйство, потому что она много работает.

Ну что ж, надо так надо. Мы никогда с ней не разговаривали, даже за ужином. Иногда она проверяла мой дневник, и если находила тройку, то лишала и так небольших карманных денег. После девятого класса тетка определила меня в бухгалтерский колледж. Мне было все равно — колледж так колледж.

Я успела окончить его и даже немного поработать, когда пришло письмо, где незнакомая женщина сообщала о смерти моей матери и о том, что после нее осталась жилплощадь, которая принадлежит мне по закону. Тетка, прочитав письмо, сказала только:

— Вот все у нее мне назло. Если бы раньше померла, тебе бы как сироте пособие больше платили.

И все, больше никаких слов о смерти единственной сестры.

Это решило дело. Я поехала в Петербург, и тетка даже дала мне денег на дорогу, присовокупив, что это все и чтобы больше я к ней не обращалась. Да не больно-то и хотелось, подумала я тогда, едва удержавшись, чтобы не сказать это вслух.

Город Петербург по традиции встретил меня проливным дождем, так что пришлось взять такси и заплатить несусветные деньги. В письме был указан только адрес, и я, как полная дура, поперлась туда без предупреждения. Дверь открыл здоровенный лысый мужик и сказал, что никакую Елену Куликову он знать не знает. Куликова — это моя фамилия, и у матери, надо думать, была такая же.